
G. Veylin
Чужая Вера. Муть Серы
18+

G. Veylin

Чужая Вера. Муть Серы

«Автор»
2026

Veylin G.

Чужая Вера. Муть Серы / G. Veylin — «Автор», 2026

Вера не помнит, кто она. Её жизнь началась заново — без прошлого, без единого воспоминания. Остались только имя, странные сны и особый дар. Свою тайну она хранит под надёжной опекой наставника — старого дознавателя, заменившего ей отца.Но однажды из мутных вод Серы вылавливают тело девушки. Молодой и дерзкий начальник городской стражи, Глеб, случайно становится свидетелем необычных способностей Веры.Они не доверяют друг другу, но вынуждены сотрудничать. Глеб - чтобы распутать загадочную гибель утопленницы, Вера - чтобы узнать правду о своем прошлом...

© Veylin G., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Г 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

G. Veylin
Чужая Вера. Муть Серы

Глава 1

Глава 1

Дождь не прекращался уже несколько дней. Вера вышла из повозки, проигнорировав протянутую руку извозчика, и сразу увязла в желто-серой жиже расквашенного речного грунта. Сапоги на толстой подошве чвакнули, но остались сухими — это радовало. Девушка сильнее закуталась в свой чёрный шерстяной плащ, съежившись от промозглого сырого ветра, пробирающегося под ткань. Запахи, которые он принёс с собой, — свежей грязи и сырости — были до боли знакомы.

Морг находился в сыром подвальном помещении управы: низкие сводчатые потолки, обшарпанные каменные стены, видевшие побелку в последний раз ещё в год рождения Веры. Провожатый — сутулый старик с лицом, похожим на пересохший изюм, — молча кивнул на уже знакомую девушке дверь в конце коридора и исчез.

Тело лежало на каменном столе под рогожей. С самого рассвета стража выкапывала его из размытого берега Серы — если там и были какие-либо улики, вода забрала их первой.

Фёдор Савич Туманов — широкий, седой, в таком же, как и у неё, чёрном плаще — стоял у трупа и хмурился, слушая доклад одного из стражников. При виде воспитанницы он кивнул, морщины на его лице немного разгладились, глаза потеплели. Он не стал объяснять, зачем привёл девушку, а просто небрежно махнул рукой, отпуская парня.

Стражник бросил недоверчивый взгляд, но, не проронив ни слова, вышел, плотно прикрыв за собой тяжёлые двери.

— Я надеялся, что ты не придёшь, — тихо сказал он.

— Ты обещал мне дать посмотреть, как я могла не явиться? — ответила Вера. Её пальцы дрожали то ли от холода, то ли от неведения, что же она почувствует в этот раз.

— Обещал, — с тяжёлым вздохом признал Туманов. — Ты уверена?

Вера не ответила. Она сама уговорила его после того, как пришла в себя, год назад: «Научи». Он отнекивался — дело не женское, без неё есть кому копаться в грязи да трупах. Но она не отступала, пока Савич не сдался. Он учил тому, что знал сам, — как смотреть, на что обращать внимание, как слушать и задавать вопросы. Со временем допустил к осмотру мёртвых. И тогда впервые проявились её способности: тогда она случайно коснулась тела без перчатки и увидела то, чего видеть не должна была. Туманов тогда побледнел, но принял. Сказал только: «Никому!».

Раньше были болезни, старость, самоубийцы — от них веяло холодом и пустотой, порой безысходностью и даже облегчением. А здесь — чужая воля, чужие руки и никаких зацепок…

— Там мать жертвы ожидает, мне необходимо с ней поговорить. Я быстро.

Савич вышел, оставив девушку одну.

Вера осторожно приблизилась и откинула плотную ткань. Совсем молоденькая девушка, младше Веры. Тёмные длинные волосы спутаны, лицо бледное, синюшное, на шее — след от пятерни. Она видела такое в книгах, которые давал Савич. Её душили.

Сняв перчатку, она протянула дрожащие пальцы к бледной руке утопленницы. Сейчас чужая смерть потечёт по её жилам, как ледяная вода. Раньше это было либо тихое угасание: болезнь, постепенно вытягивающая силы, либо старость, стирающая краски, самоубийца, шагнувший в петлю от отчаяния. Она привыкла. Но эта смерть – насильственная, для нее была не

изведана, подобное она ранее не «чувствовала». Она коснулась окоченевшего тела и провалилась в гамму чужих эмоций и ощущений…

Скрипнула дверь. Глеб вошёл в морг, ожидая застать здесь Савича. Вместо него у стола стояла хрупкая фигура в чёрном плаще, склонившаяся над трупом.

– — Эй! — Он шагнул вперёд.

Голова девушки медленно повернулась в сторону звука, и Глеб встретился с ней глазами — его будто озноб прошиб. В выцветших глазах не было ничего: ни страха, ни жизни. Только пустота, такая глубокая, что даже у него, взрослого мужчины, по спине побежали мурашки. Он не мог зацепить её черты: огромное родимое пятно, впалые щёки, блёклые брови — всё сливалось в одно серое пятно. Она была не уродлива — она была невидима. И именно эта невидимость его обескуражила.

Едва Глеб протянул руку, чтобы оттащить её, та моргнула, будто стряхивая с глаз наваждение, и в её взгляде вдруг проступила не пустота, а чистая, обнажённая боль. Она прикусила губу, на лбу выступила испарина. Вера пошатнулась, будто земля ушла из-под ног, и слепо потянулась вперёд, ища опору. Её пальцы сомкнулись на его рукаве, потом скользнули ниже, к запястью — крепко, отчаянно, как хватаются за край обрыва.

Глеб дёрнулся от неожиданности, но не оттолкнул. Тёплая живая ладонь легла на его шершавую, загрубевшую кожу, пальцы переплелись — и в этот миг весь шум этого мира будто выключился. Он смотрел на бледную девушку и впервые в жизни ему стало не по себе — не от крови или смерти, а от того, сколько боли может уместиться в одной маленькой руке.

Эта боль завладела им резко. Острая, чужая — не его. В нос ударили запах сена, конского навоза и кислого перегара. Чья-то рука крепко сжала чужое горло. Однако трудно дышать стало почему-то ему. Глеб стал хватать воздух ртом и не мог отдышаться. А поверх всего нахлынуло чувство обречённости — липкое, жуткое, от которого некуда бежать…

Они застыли друг напротив друга с распахнутыми глазами, не видя ничего перед собой, целиком утонув в чужих ощущениях: она держала его за руку, он не смел пошевелиться.

Дознаватель замер на пороге, пытаясь оценить представшую перед ним картину: воспитанница с побелевшим лицом, вцепившаяся в начальника стражи, а сам начальник стражи с таким, будто увидел призрака.

— Отпусти её, — потребовал старик, шагнув вперёд. Но Глеб его будто не слышал. Он продолжал пристально смотреть в глаза бледной как мел девушки.

Вдруг Вера покачнулась и начала медленно оседать на холодный пол подвала. Савич успел подхватить её, разорвав их случайный контакт.

Видение отпустило Глеба не сразу. Он встряхнул головой. Постепенно мир стал возвращаться в его сознание: холодный каменный подвал, мёртвое тело, трупный запах, тяжёлые удаляющиеся шаги.

Мужчина проследил взглядом за скрывающейся широкой спиной старого дознавателя, уносящего свою воспитанницу. Тепло её руки, воспоминания о пережитых чувствах после этого прикосновения никак не хотели его отпускать. Пожалуй, это было первое чёткое воспоминание о Вере — не серое пятно, не «незаметная девчонка», а живое, тёплое, отчаянно цепляющееся за него существо. И это чувство не хотело уходить, смешиваясь с холодом каменных стен.

Глава 2

Глава 2

Вера пришла в себя в одной из комнат управы — достаточно просторной, обставленной скупо, по-военному, только самым необходимым: стол, несколько кресел, книжный шкаф и добротная дубовая кушетка, на которой, собственно, и расположилась Вера. Она была заботливо укрыта чьим-то сюртуком. Пахло табаком и пылью.

Фёдор Савич сгорбился в одном из кресел, придвинутом вплотную к кушетке, сцепив руки на коленях и глядя в пол.

— Сколько я… — голос Веры был надорван, горло саднило, и она закашлялась.

— Не долго, — наставник протянул стакан с водой, не поднимая на неё глаз. — Но практически всё время ты кричала, тебя бил озноб, твои щёки пылали. Только успокоилась — и сразу пришла в себя.

Вера медленно села. Голова кружилась, во рту был привкус крови. Она провела языком по небу и обнаружила рану — видимо, прикусила щёку, пока была в забытьи…

Девушка сделала несколько небольших глотков воды и прочистила горло:

— Сегодня всё было по-другому, Савич…- Горло саднило, ее голос осип. - Чужая воля, чужие руки на горле. Он был пьян… - Еще глоток. - Сначала он надругался над ней, а затем - задушил… — Она остановилась, проглотила ком в горле, ощупывая свою шею, будто ей тоже досталось, а затем продолжила. — В реку она попала, уже будучи мёртвой.

Старик поднял на неё взгляд, в глазах стояли непролитые слёзы сожаления: не нужно ему было соглашаться и втягивать её во всё это. Она была будто бы одержима расследованиями и мертвецами. С тех пор, как она начала их чувствовать, к ней начали приходить беспокойные сны о прошлом. Она никогда не видела картинок, только лишь ощущения и запахи… Ничего конкретного, но чем чаще она «общалась с мёртвыми», тем чаще эти сны беспокоили. Туманов очень хотел, чтобы Вера всё узнала и вспомнила свое прошлое… Но какой ценой ей достаются эти нечёткие крупицы воспоминаний!

Нет, нельзя было ему соглашаться на её уговоры и разрешать ей прикасаться к телу убитой. Пока она лежала без сознания, её тело будто бы умирало вместе с той несчастной девушкой. Она кричала, её тело терзали жар и озноб, — его девочка переживала ровно то, что и жертва. Стоило ли оно того? Не повредило ли её физическому и душевному здоровью? Ему было страшно и тяжело…

— Тот запах, — тем временем продолжала Вера. — Ты знаешь, он много раз приходил ко мне во снах… Я знаю его: запах кислого перегара. С тех пор, как ты нашёл меня тогда, год назад, на дороге, он постоянно приходит в мои сны…

Савич нахмурился:

— Ты никогда раньше не говорила мне.

— Раньше я не придавала этому значения. Ты же знаешь, как хаотично я всё чувствую… Однажды я просто перестала определять, где дурные сны, а где мои воспоминания.

Что-то внутри — глубокое и тёмное, будто запертое в подвале, — откликалось на этот запах. Горячее зловонное мужское дыхание: тот, кто ранил её и бросил погибать, виновник потери её памяти, тоже был пьян. И это точно был мужчина.

Удивительно, но это открытие обрадовало её. Словно в ту чёрную дыру, которая поселилась в её воспоминаниях, прокрался тоненький лучик света. Хорошего было мало, но она что-то узнала о своём неудавшемся убийце, и это вселило в неё надежду, что загадка обязательно будет разгадана. Во что бы то ни стало, она докопается до истины.

Весь этот спектр эмоций отражался на её лице. Савич догадывался, о чём думает его воспитанница, и ему оставалось лишь разочарованно мотать головой.

— Кстати, Воронов всё видел, — как бы невзначай довела до наставника девушка.

— И это большая проблема, но, как я погляжу, это тебя вовсе не беспокоит? — с сарказмом отметил наставник. — Он не только видел, но и почувствовал. Когда ты схватила его за руку, его трясло так же, как и тебя. Я не успел остановить.

Вера вздохнула. Тайна, которую они так долго хранили, стала известна самому неподходящему человеку. Почему именно он?

— Глеб не из болтливых, но вопросы задавать он точно будет. И я не уверен, что смогу на них ответить… — мрачно почесал затылок старик.

Впервые Вера увидела в Фёдоре Савиче не всемогущего спасителя, не крепкого, с цепким умом дознавателя, не холодного и беспристрастного чиновника, а уставшего, совсем уже немолодого человека с глубокими морщинами, которые будто стали за этот день ещё заметнее.

Она потянулась к его руке и сжала ладонь, призывая его взглянуть ей в глаза. Савич дрогнул: Вера крайне редко показывала свои чувства, и это простое рукопожатие тронуло его и смягчило. Он махнул рукой и воскликнул: «Будем решать проблемы по мере их поступления!» — и они обменялись тёплыми улыбками.

Глеб был не в духе: привычное спокойствие и контроль были нарушены. Ощущения, пережитые утром, никак не отпускали — он то и дело уходил в себя и прокручивал всё, что произошло. Оставшись в морге один, он ещё раз осмотрел тело: тёмные полосы на шее — сдавили горло, но не сразу переломили; ссадины на запястьях и лодыжках — она билась и кричала, а крика никто не услышал; синяки на бёдрах — чужая воля, чужие руки. Всё сходилось с тем, что показала ему Вера. Это было ужасно… для него. А каково это было выносить юной девушке?

Сердце кольнула жалость — к утопленнице, к Вере — но Глеб прогнал это чувство. В этом мире нельзя быть мягким. Он закрыл своё сердце ото всех — только так здесь можно было выжить.

В дверь кабинета постучали, вошел Кирилл — верный и смышлёный подручный. Глеб поручил ему выяснить, кем была утопленница, и по мрачному, но уверенному лицу подчинённого понял: новости есть.

Родных погибшей отыскали быстро. Ещё утром в управу пришла женщина: позапрошлой ночью пропала её дочь, Леля. Днём девушка работала служанкой в доме городского казначея, вечером всегда возвращалась домой. Мать давно болела, и Леля старательно ухаживала за ней. Бывало, что девушка задерживалась и приходила поздно, но домой возвращалась всегда, поэтому женщина забеспокоилась. Она ждала её всю ночь, не сомкнув глаз. Утром выяснилось, что девушку с предыдущего вечера никто не видел, с утра и в течении всего дня и ночи она также не появлялась. Никто не знал куда она могла пропасть: мать расспрашивала слуг, знакомых, прохожих на улице, но после того, как дочь вечером закончила свои обязанности в прачечной, её будто след простыл. Сегодня женщина пришла в управу — и опознала дочь в морге.

— Расспросить мать сейчас не выйдет, — закончил доклад Кирилл, потупив взгляд. — Истерика. Её напоили успокоительным.

Как и всякому мужчине, ему претили женские слёзы: от боли и горя женщины, потерявшей своего ребенка, у него самого сердце обливалось кровью.

Глеб задумался. Проспит женщина часа два — и то не факт, что, придя в себя, не впадёт в истерику снова. Время шло, нужно было действовать, пока следы преступления не скрыли.

Глеб тотчас послал за Тумановым и распорядился готовить повозку.

По одному хмурому выражению начальника городской стражи Вера и Фёдор Савич поняли: комментарии о случившемся в данный момент будут излишними. Никто из мужчин не был в восторге от того, что за ними увязалась девушка. Ехали в тишине.

Глеб то и дело искоса поглядывал с раздражением на Веру. С виду — невзрачная, худая: на такую ветер дунет — унесёт. Увиденное впечатлило бы кого угодно, а она — стойкая, будто ничего не случилось, едет расследовать.

Лицо её нельзя было назвать привлекательным. Тёмно-коричневое родимое пятно расплылось от переносицы до правого уха, задевая нос, правый глаз, бровь и кончик верхней губы; на бледной коже, без единого намёка на румянец, оно бросалось в глаза ещё сильнее. Издалека казалось, будто у девушки стёрли ресницы и брови — до того они были светлые. Тонкая рука в чёрной кожаной перчатке неосознанно натягивала на лицо капюшон бесформенного плаща, будто она желала стать как можно более незаметной.

Рука Глеба сжалась при воспоминании о её прикосновении. Почему оно его так задело? Всё дело в тех видениях, которые она ему передала? Знала ли она сама, какую гамму чувств заставила его испытать?

На присутствие Глеба в повозке, несмотря на свою нелюдимость, Вера реагировала равнодушно. Все мысли были о деле, об убитой и о виновнике. Она прокручивала в голове всё, что успела рассмотреть и почувствовать, уж очень хотелось добиться справедливости для несчастной девушки, а ещё больше — раскрыть тайну собственного прошлого.

Фёдор Савич подремывал, а возможно только делал вид, покачиваясь в такт неспешно движущейся повозке.

Атмосфера искрилась от напряжения, однако каждый был занят своим делом и не подавал вида, дабы не накалять обстановку ещё больше.

Наконец подъехали к дому казначея. Степан Пантелеевич Толстоухов ждал в гостиной, развалившись в кресле, которое ему явно было мало. Дорогой кафтан, ставший ему мал ещё лет пять назад, натянул золочёные пуговицы на внушительном животе, приоткрывая взору нижние шёлковые рубахи. Заприметив Глеба с компанией, он растянул толстые губы, блестящие от жира только что отведанной им утиной ножки, в подобострастную улыбку, приглашая гостей присесть и разделить его скромную трапезу. Глаза же его оставались холодны — цепкий взгляд, словно у торговца, прикидывал, сколько он сможет выручить за добытые сведения.

Придерживаясь приличий, гости присели за стол, но есть никто не стал. Хозяин завёл непринуждённую беседу о погоде, посетовав на чрезмерную сырость и порчу продуктовых запасов.

Толстоухов подвинул к Глебу миску с уткой.

— Угощайтесь. Вы -, знаю, человек простой, к простому, поди, привыкли… Ох, да что это я — вы ведь не к простому привыкли. У Первого Министра-то знатная кухня была, а?

Глеб не двигался.

Он не говорил казначею о том, что когда-то был вхож в дом Министра; знали об этом лишь единицы, и, конечно, это не афишировалось.

— Никогда не имел чести трапезничать в доме Первого Министра, — с холодной улыбкой произнёс Глеб.

Толстоухов хлопнул себя ладонью по лбу и захохотал.

— Неужели я что-то напутал! Ну да ладно, с кем не бывает-то в моем возрасте! Кушайте, кушайте, Глеб Викторович, утица нынче удалась. – С этими словами он впился зубами в сочный кусок мяса.

Глеб есть не стал. Теперь он убедился в своих домыслах: в этом доме не просто еда и ропот. Здесь уши, нацеленные на него, и имеющие свое начало в столице.

Глава городской стражи поднялся из-за стола и, сообщив о причине своего прибытия, приказал страже осмотреть дом и опросить всех обитателей — не обращая внимания на причитания и протестыоторопевшего от такой наглости казначея.

Хозяин разражался причитаниями, слуги суетились, Кирилл отдавал распоряжения — и в этом шуме никто не заметил, как тонкая фигура в чёрном плаще выскользнула из гостиной и через двор направилась в сторону хозяйственных построек.

Конюшня встретила её теплом и запахами пота, навоза и сухой травы. Кони, лениво пережёвывая сено, проводили её равнодушным взглядом. Вера остановилась у стойла и провела ладонью по загривку гнедого коня. Тот недовольно фыркнул, но трапезу продолжил.

Обойдя конюшню, Вера заметила чуть в стороне амбар. Чуть дальше по двору служанка, медленно ступая по мощёной камнем дорожке, тащила большой узел с тряпьём и тихонько напевала себе под нос. Девушка проследила за ней взглядом — так обнаружилась прачечная, откуда доносились женские голоса и шум работы. Оглянулась: никто не следил. Прошла ещё немного — и наткнулась на хозяйскую баню.

Развернувшись, девушка медленно пошла обратно, стараясь примечать всё, что попадётся на глаза. Уже миновав прачечную и двигаясь по направлению к амбару, она вдруг остановилась — будто кто приказал. Огляделась - вокруг росли низкие кусты роз, старательно обрезанные садовником и подготовленные к зиме. Под одним из них что-то белело. Вера присела и осторожно раздвинула ветви: небольшая деревянная лошадка, потемневшая от влаги, вырезанная не слишком искусно, но старательно и с любовью.

Она сама не заметила, как оказалась сидящей на мокрой брусчатке и зубами стягивающей с руки перчатку. Тонкие пальцы в нетерпении скользнули по мокрой шероховатой деревяшке, исследуя все неровности: острые зубчики гривы, выпуклая спинка, четыре ножки, хвост. От находки не веяло ни смертью, ни страхом, ни ужасом — от неё исходило тепло, искренние, застенчивые чувства, тихая любовь и надежда на счастье. Это были нежные девичьи чувства девушки, которой уже нет в живых.

Слёзы пришли сами - от нежности, грусти, негодования из-за несправедливости мира. Влага скатилась к приподнятому в полуулыбке уголку губ. Девушка с пятном на лице, разучившаяся плакать о себе, плакала о чужом счастье, закончившемся так скоро… Лошадка была лучиком света в этой тёмной истории — символом любви, нежности и веры в то, что всё ещё может быть хорошо.

Вера бережно спрятала находку в широкий карман плаща, отряхнула подол от грязной влаги и продолжила путь к амбару.

Внутри было темно и холодно. Сквозь дыры в ткани, закрывавшей окошко, пробивались тонкие струи света, в которых водили хороводы мелкие частицы пыли. На земляном полу то тут, то там хаотично разбросана сухая трава.

Пахло сухой травой, пылью и конским навозом. В памяти всплыл запах мужского перегара. Ей стало дурно, но она заставила себя осмотреться.

В дальнем углу, у стены, сухая трава была сбита в глубокую рваную кучу — будто там долго барахтались. Шагах в десяти, ближе к двери, — вторая примятость: узкая, продавленная до самого пола.

Скрипнула несмазанная петля. Вера вздрогнула всем телом.

В дверях, сложив руки на груди и опираясь плечом на косяк, стоял Глеб. Он не выглядел удивлённым её присутствием в этом сарае. Лицо было жёстким; шрам на правой щеке резко выделялся бледной полосой, саркастично приподнимая уголок губ. Он вовсе не казался лишним на этом лице и не уродовал его — скорее дополнял мужественный и опасный облик начальника стражи, добавляя ему лет и строгости.

Вера не боялась Глеба. Рядом с ним она почему-то чувствовала спокойствие и безопасность — пока лишь каким-то шестым чувством, неосознанно.

— Тебя Савич ищет, — сказал он.

— Мне ещё нужно время всё здесь осмотреть, — ответила Вера. Она знала: Глеб здесь, чтобы получить ответы на вопросы. Но сейчас ей было не до объяснений. — Вот, смотри… — Она указала на примятое сено.

Молодой человек перевёл взгляд туда, куда указала девушка. Для других это было бы просто разбросанной травой. Для него — место изнасилования и убийства.

Вслух Глеб ничего не сказал, лишь буркнул, что подчинённые изучат. Он был зол на эту блёклую девчонку — за то, что она влезла в его голову и засела там, как назойливая мошка.

В поисках улик он взял вилы и начал медленно, пласт за пластом, сгребать разбросанное сено в кучу. Девушка видела: он хотел начать разговор, но не знал, с чего, и от этого злился ещё больше.

Вера жалела, что он оказался рядом в такой неподходящий момент и стал свидетелем её странных способностей, и не хотела отвечать на его вопросы. Это её тайна — и ей решать, стоит ли объясниться с ним.

Однако она также не хотела, чтобы Глеб как-то помешал ей расследовать это дело, а заодно и своё прошлое. Поэтому решила: лучшее во всей этой ситуации — сделать вид, что ничего не произошло, и всячески оттягивать момент объяснений. Она знала, что из уважения к Федору Савичу, мужчина не будет давить на нее и решила этим воспользоваться.

Вера подошла к окну и, взявшись за край прикрывавшей его тряпки, рванула её вниз. В амбар хлынул дневной свет — небо уже посветлело, тучи разошлись. Пыль вспыхнула золотом, и на полу, там, где прошли вилы, что-то блеснуло.

— Стой, — остановила его Вера и указала на блестящее у его ног.

Глеб опустился на колено и поддел находку ножом. Пуговица. Позолоченная, тяжёлая, с обрывком нити — сорванная с силой.

— От мужского платья, — сказал он.

— Видимо, — буркнула девушка, склонившись и разглядывая находку, — у Лели таких не было.

Глеб лишь искоса глянул на неё, молча завернул пуговицу в платок и убрал за пазуху.

Вера опустилась на корточки у дальней стены — там, где сено было сбито рвано и неровно, — и принялась разбирать его пальцами. В перчатке это выходило медленно и неловко, но она не спешила: где-то здесь должно быть что-то ещё…

Глеб уже отложил вилы — вряд ли там было что-то ещё, — и молча наблюдал за её действиями. Любопытство тянуло его к этой необычной девчонке. Она была неглупа и понимала то, что делала. Даже без этой странной магии у неё были неплохие навыки дознавателя. Темп этому расследованию задавала именно Вера. И это и восхищало, и бесило одновременно.

Склонившись сильнее над ворохом сухой травы, Вера медленно вытащила тонкую, полотняную, с обтрёпанным краем ленту для волос. Такую бы носила Леля.

Глеб внимательно осмотрел находку, повертев цветной лоскут в руке:

- Эта лента может быть чьей угодно…

- Но это ее! Я знаю! —воскликнула девушка. А про себя отметила: потому что от ленты исходит то же тепло, что и от лошадки.

Девушка забрала ленту и аккуратно сложила свою находку в карман плаща, в компанию к деревянной лошадке.

В сарай зашли двое подчиненных Глеба, видимо с целью осмотра. Он задал им пару вопросов и распорядился чтобы амбар тщательно обыскали. Хотя, скорее всего это уже бессмысленно.

Выйдя наружу, Вера почувствовала на себе взгляд. Она осторожно начала озираться по сторонам и заметила у конюшни, в полутени высокого, жилистого мужчину, который смотрел прямо на неё. И в этом взгляде девушка прочла тоску и растерянность.

Заметив ее взгляд, молодой человек было дернулся в их сторону, но что-то будто бы заставило его передумать и он, вытерев ладони о передник, скрылся в стойлах, будто ничего и не было. Только конь за его спиной нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.